

УДК 93/94

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, НИУ
«БелГУ», г. Белгород, Россия
e-mail: zajcevil@mail.ru

КРЫМСКИЙ ВЕКТОР ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ: ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности реализации крестьянской реформы 1861 г. на территории Таврической губернии. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в изучении региональной специфики отмены крепостного права, а также введением в научный оборот новых архивных источников. На основе анализа фондов Государственного архива Республики Крым, делопроизводственной документации и статистических материалов выявляются ключевые отличия крымского вектора реформы: незначительный удельный вес крепостного населения (около 6%), особый порядок наделения землей крестьян Южного берега Крыма, специфика правового положения различных этнических групп (крымских татар, греков, болгар, немецких колонистов). Методологической основой исследования выступают принципы историзма и объективности, а также сравнительно-исторический и системный методы. Автор приходит к выводу, что полиэтничный состав региона и особенности его вхождения в состав Российской империи предопределили уникальный характер реализации реформы, который не вписывался в классические схемы, применявшиеся в центральных губерниях.

Ключевые слова: крестьянская реформа 1861 г., отмена крепостного права, Таврическая губерния, Крым.

Abdulmanova Irina V., Doctor of Historical Sciences, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putin, Belgorod State University, Belgorod, Russia.

e-mail: zajcevil@mail.ru

THE CRIMEAN VECTOR OF THE GREAT REFORM: FEATURES OF THE EMANCIPATION OF PEASANTS IN A MULTI- ETHNIC REGION

Abstract: the article examines the features of the implementation of the peasant reform of 1861 in the Taurida Governorate. The relevance of the topic is due to the need to overcome the fragmentation in the study of the regional specifics of the abolition of serfdom, as well as to introduce new archival sources into scholarly discourse. Based on an analysis of the funds of the State Archive of the Republic of Crimea, administrative documentation, and statistical materials, the key differences in the Crimean vector of the reform are identified: the insignificant share of the serf population (about 6%), the special procedure for granting land to peasants in the southern coast of Crimea, and the specifics of the legal status of various ethnic groups (Crimean Tatars, Greeks, Bulgarians, and German colonists). The methodological basis of the study is the principles of historicism and objectivity, as well as comparative- historical and systemic methods. The author concludes that the multi- ethnic composition of the region and the specifics of its incorporation into the Russian Empire predetermined the unique nature of the reform's implementation, which did not fit into the classical schemes used in the central provinces.

Keywords: the peasant reform of 1861, the abolition of serfdom, the Taurida Governorate, Crimea.

Отмена крепостного права в России, юридически оформленная Манифестом 19 февраля 1861 г. и последовавшим за ним пакетом законодательных актов, считается поворотным пунктом отечественной истории. Исследователи единодушны в том, что эта «революция сверху»

открыла путь для экономической модернизации страны и становления гражданского общества [1, с. 152]. Однако, как справедливо отмечается в современной историографии, изучение общих принципов и положений реформы давно уже дополняется углубленным анализом ее реализации в отдельных регионах, где общеимперские установления накладывались на местную специфику [5, с. 6]. В ряду таких регионов Крым (в административных границах Таврической губернии) занимает особое место.

Актуальность рассматриваемой темы определяется несколькими факторами. Во-первых, Таврическая губерния представляла собой уникальный полиэтнический регион, где русское и украинское население соседствовало с крымскими татарами, греками, болгарами, немцами-колонистами, караимами и другими народностями. Каждая из этих групп имела различный правовой статус и исторически сложившиеся формы землепользования. Во-вторых, включение Крыма в состав Российской империи произошло лишь в 1783 г., то есть более чем через сто лет после окончательного оформления крепостного права в центральных губерниях. Как следствие, крепостные отношения здесь не получили такого развития, как в коренных великорусских губерниях [3, с. 30]. В-третьих, значительный массив архивных документов, касающихся реализации реформы в Таврической губернии, до настоящего времени остается недостаточно изученным, а часть источников лишь недавно введена в научный оборот [8, с. 13].

Объектом данного исследования выступает процесс реализации Крестьянской реформы 1861 г. на территории Таврической губернии. Цель работы состоит в выявлении и систематизации специфических черт освобождения крестьян в полиэтническом Крымском регионе на основе анализа архивных источников и статистических данных.

Историография крестьянской реформы насчитывает сотни работ, однако, как справедливо указывают М.Ш. Киян и Т.В. Хутько, проведение реформы в отдельных регионах Российской империи, в частности на юге страны – в Крыму, исследовано недостаточно полно и нередко фрагментарно [3, с. 30]. В

советский период преобладало изучение общих закономерностей развития капитализма в сельском хозяйстве, тогда как региональная специфика Крыма чаще всего рассматривалась сквозь призму этнографических описаний.

Из современных исследований следует выделить работу Н.В. Бычкова, который на основе «значительного массива архивных данных, ранее не использовавшихся в научной литературе», проанализировал особенности крестьянского движения в Таврической губернии накануне и после реформы [8, с. 13]. Автор приходит к выводу о том, что специфика региона привлекала большое количество беглых крестьян из центральных губерний, введенных в заблуждение слухами о льготах, которые на самом деле предназначались лишь для иностранных переселенцев.

Важное значение для настоящей работы имеют статистические данные, опубликованные в исследовании М.Ш. Киян и Т.В. Хутько. Авторы установили, что общая численность крепостного населения Таврической губернии накануне реформы составляла лишь 6% от всего сельского населения, что было значительно ниже показателей центральных губерний империи [3, с. 31]. Это обстоятельство, как будет показано далее, коренным образом меняло расстановку социальных сил и характер поземельных отношений в регионе.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами документов. Первую и наиболее важную группу составляют архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГКУ РК «Госархив Крыма»). Среди них первостепенное значение имеют уставные грамоты, выкупные акты, отчеты мировых посредников и делопроизводственная документация губернского по крестьянским делам присутствия. Вторую группу источников образуют законодательные акты – Манифест 19 февраля 1861 г., Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, а также местные положения, разработанные для Таврической губернии. Третью группу составляют статистические материалы – данные ревизий, ведомости Главного выкупного учреждения (фонд 577 РГИА,

опись 50, дело 1566), содержащие сведения о количестве выкупленных земель, размерах ссуд и сроках платежей по Таврической губернии [2].

Анализ источников позволяет выделить несколько ключевых особенностей освобождения крестьян в Крыму, отличавших этот регион от центральных губерний России.

Первая особенность – крайне низкий удельный вес крепостного населения. Статистические данные, отмеченные в работе М.Ш. Киян и Т.В. Хутько, подтверждают, что в Таврической губернии накануне реформы отмены крепостного права насчитывалось всего 6% крестьян от общей массы сельских жителей региона [3, с. 32]. В центральных губерниях (например, Смоленской, Калужской эти показатели варьировались от 62 до 69%). Подобная ситуация была связана с тем, что Крым был достаточно поздно включен в состав Российской империи и, как следствие, крепостное право не получило здесь такого распространения, как в других регионах империи. Преимущественно социальный состав жителей Таврической губернии (полуостровной ее части) был представлен государственными крестьянами, а также различными категориями колонистов и свободных земледельцев. В этой связи на территории данного региона в ходе проведения реформы практически не было серьезных социальных столкновений между помещиками и крестьянами, в отличие от материковых уездов Таврической губернии [3, с. 37].

Вторая особенность обусловлена подготовкой «Таврического положения», которое поступило в Редакционные комиссии Главного комитета уже к 17 марта 1859 г. [3, с. 33]. Таврическое дворянство, имевшее в своем составе немало просвещенных и экономически активных представителей, стремилось учесть региональную специфику, но при этом не выходить за рамки общеимперских стандартов. Показательно, что проект, разработанный в губернии, предусматривал разделение всех имений на три разряда с установлением верхнего и нижнего порога наделов. Размер полевого надела, получаемого крестьянами в постоянное пользование, варьировал от 3 до 7 десятин на мужскую душу [3, с. 34].

Однако самое существенное исключение касалось имений, расположенных на Южном берегу Крыма. Согласно положению, крепостные крестьяне этих имений наделов не получали вовсе. Формальным основанием служила высокая ценность земли под виноградниками и товарными садами, но фактически это решение консервировало зависимость значительной части сельского населения южнобережных деревень, превращая их в батраков или арендаторов на помещичьей земле.

Третья особенность связана с полиэтничным составом населения и разнообразием его правовых статусов. В Таврической губернии проживали крымские татары (потомки местной знати – мурз и беев, а также рядовые общинники), греки и болгары, переселившиеся сюда в конце XVIII – начале XIX в., немецкие колонисты, приглашенные на льготных условиях, и, наконец, русские и украинские государственные и помещичьи крестьяне. Каждая из этих категорий имела особые права на землю и особый порядок управления.

Наиболее сложным было положение крымско-татарского населения. Часть татар относилась к категории государственных крестьян, другая часть (особенно в южнобережных деревнях) находилась в поземельной зависимости от помещиков, причем нередко такие отношения регулировались нормами обычного права, восходившими еще к периоду Крымского ханства. Составление уставных грамот в таких имениях требовало от мировых посредников не только знания общеимперского законодательства, но и понимания местных обычаев.

Четвертая особенность – активные миграционные процессы, предшествовавшие реформе и сопутствовавшие ей. В 1859–1863 гг. из Крыма произошел массовый выезд крымских татар и ногайцев (около 150 тыс. человек) в пределы Османской империи [4]. Эта эмиграция, вызванная как социально-экономическими, так и политическими причинами, резко изменила демографическую ситуацию в регионе. Освободившиеся земли поступали в распоряжение казны и частично раздавались или продавались переселенцам из центральных губерний. Одновременно в Крым устремился поток беглых и

вольных переселенцев, привлеченных слухами о «свободных землях». Н.В. Бычков отмечает, что многие из них были введены в заблуждение относительно льгот и субсидий, которые на самом деле полагались только иностранным колонистам [8, с. 15]. Это создавало почву для конфликтов и требовало дополнительных усилий от местной администрации по упорядочению земельных отношений.

Пятая особенность обусловлена особенностями динамики выкупных операций. В ведомостях Главного выкупного учреждения содержится информация о том, что за первые четыре года после проведения реформы в Крыму в категорию свободных сельских обывателей (с получением личной свободы) перешло 64% бывших крепостных [3, с. 36]. По сравнению с другими регионами империи в Крыму этот показатель был заметно выше, что объяснялось сравнительно быстрым согласованием условий выкупа и меньшей степенью задолженности помещичьих имений. При этом разница в отдельных уездах Таврической губернии все же была. Так, в Симферопольском и Феодосийском уездах, где преобладало товарное виноградарство и садоводство, выкупные платежи были выше, а наделы – меньше, чем в степных районах.

В заключении следует отметить, что крестьянская реформа 1861 года на территории Таврической губернии имела целый ряд социально-экономических и правовых особенностей, что по сути сделало Крым уникальным полигоном для изучения механизмов адаптации общеимперского законодательства к местным условиям. «Крымский опыт» «Великой реформы» показал, что она не была единообразным актом, который можно было бы шаблонно применить ко всем регионам Российской империи. Скорее она представляла собой сложный и многовариантный процесс, в котором общегосударственные правовые нормы сочетались с региональными особенностями, создавая пеструю картину местных вариантов освобождения.

Список литературы

1. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.
2. Ведомости с указанием: уездов, фамилий владельцев, названия сельских обществ, волостей и селений, числа выкупных актов... по Таврической губернии [1861–1895] // Российский государственный исторический архив. Ф. 577. Оп. 50. Д. 1566.
3. Киян М.Ш., Хутько Т.В. Концепция проведения крестьянской реформы 1861 г. в Крыму: ожидаемые результаты и действительность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 29–38.
4. Таврическая губерния // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/tavricheskaia-guberniia-10f904> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Панасюк В.В., Воробьева Е.А. Вопросы реализации реформы 19 февраля 1861 года в оценках современной отечественной историографии: к 160-летию отмены крепостного права // Наука без границ. 2021. № 3 (55). С. 5–10.
6. Ердокеско Е.А. Социально-экономическое развитие Таврической губернии (1861–1914 годы): дис. ... канд. ист. наук. Мелитополь, 2024. 325 с.
7. Китанина Т.М. Несколько соображений по поводу отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–15.
8. Бычков Н.В. Особенности крестьянского движения в Таврической губернии накануне и в первые годы после реформы 1861 года // История Таврической губернии в контексте общей истории Новороссии: сборник материалов Межрегиональной научно-просветительской конференции (Мелитополь, 19 декабря 2024 г.). Мелитополь: МелГУ, 2025. С. 13–19.